

Мария Николаевна Пономаренко: биография, судьба и диагноз эпохи

I. Кто она: биографическая справка

Мария Николаевна Пономаренко родилась **5 сентября 1978 года** в Барнауле, Алтайский край. Работала в сфере недвижимости, позже сотрудничала с электронным изданием **RusNews** в качестве журналиста. Общественная активистка. Мать двоих дочерей — Кати (старшая, на момент ареста — несовершеннолетняя, сейчас учится в педагогическом университете в Петербурге) и Вики (младшая, 2011 года рождения).[1][2]

Семейная жизнь складывалась сложно. Бывший муж, по словам Марии и свидетельствам родственников, злоупотреблял алкоголем и применял физическое насилие. Политические взгляды супругов были диаметрально противоположны: муж впоследствии ушёл добровольцем на «СВО», вернулся из-за травмы. Двоюродный брат Марии, Павел, описывает её так: «Она была не взбалмошной, не хулиганистой, а упертой, от своей позиции никогда не отступала».[2]

II. Путь к активизму: «сиротское дело» и угрозы

Работая в сфере недвижимости, Пономаренко обнаружила **системные нарушения при обеспечении жильём детей-сирот** в Алтайском крае. По её данным, многомиллиардное финансирование госпрограммы «ушло неизвестно куда», а квартиры сиротам закупили всего на 23 миллиона рублей. Для

RusNews она делала репортажи о выпускниках детских домов, которым положенное по закону жильё так и не предоставили.[2]

Одна из таких историй — дело сироты **Елены Воронцовой**, жившей с пятью детьми в аварийном доме. Пономаренко сняла видео и лично обратилась к главе Следственного комитета Александру Бастрыкину. Результат: Воронцовой выделили квартиру, СК возбудил уголовное дело. Позднее Елена пришла на суд над Марией, чтобы её поддержать.[1][2]

Расследования вызвали противодействие. Пономаренко начала получать **угрозы**, о которых с октября 2020 года сообщала проекту «ОВД-Инфо». Бастрыкин в одном из ответов написал, что «с коррупцией в сфере жилья для сирот они разберутся сами без её помощи». Адвокат Сергей Подольский считает, что в Барнауле Марии угрожала опасность физического устранения.[1][2]

Кроме антикоррупционной деятельности, Пономаренко была **заметной общественной активисткой** в Барнауле: выступала на акциях в поддержку бывшего губернатора Хабаровского края Сергея Фургала, участвовала в протестах против введения масочного режима. Опасаясь преследования, в начале 2022 года переехала в Санкт-Петербург.[3][2]

III. Арест и уголовное дело

Поводом стал один пост в Telegram

16 марта 2022 года российские войска нанесли удар по Донецкому академическому областному драматическому театру в Мариуполе, где укрывались сотни мирных жителей (по оценкам Associated Press, погибли около 600 человек). **17 марта 2022 года** в Telegram-канале «Цензуры нет» (около тысячи подписчиков) появился пост, посвящённый этой трагедии. По версии следствия, его опубликовала Мария Пономаренко.[1]

Пост содержал утверждение о том, что театр разбомбили российские ВКС, и ссылки на данные международных организаций. В посте **не было ни призывов к насилию, ни оскорблений** — только выражение позиции автора.[4]

Хронология преследования

Дата	Событие
29 марта 2022	Возбуждение дела по ч. 1 ст. 207.3 УК РФ в отношении неизвестного лица [1]
23 апреля 2022	Задержание Пономаренко в Петербурге. За ней приехала группа из 5 силовиков из Барнаула [2]
25 апреля 2022	Обыск по месту проживания несовершеннолетних детей; изъяты компьютер, телефоны, деньги; допрошена старшая дочь [1]
27 апреля 2022	Переквалификация на ч. 2 ст. 207.3 (мотив «политической вражды»); арест [1]
Май 2022	Этапирование из Петербурга в Барнаул [1]
Сентяб рь 2022	Вскрытие вен в СИЗО в знак протеста [5]
Ноябрь 2022	Перевод под домашний арест (в квартиру родителей бывшего мужа) [2]
Январь 2023	Возврат в СИЗО (после удушения бывшим мужем) [2]
15 феврал я 2023	Приговор: 6 лет колонии общего режима + 5 лет запрета на журналистскую деятельность [3]
Октябр ь 2023	Инцидент в ИК-6 (основание для второго дела) [6]
27 марта 2025	Второй приговор: 1 год 10 месяцев по ч. 2 ст. 321 УК (насилие в отношении сотрудников ФСИН) [1] [6]
Август 2025	Возбуждено третье уголовное дело по той же ст. 321 [2]

Дата	Событие
Июль 2025	Апелляция оставила второй приговор без изменений. Итоговый срок — 3 года с учётом первого приговора [6]

Условия содержания: от СИЗО до колонии

В СИЗО Пономаренко, страдающую **клаустрофобией**, поместили в камеру с заклеенными окнами. Она разбила стекло — её перевели в одиночную камеру. За всё время заключения она находилась **13 раз в ШИЗО** (штрафном изоляторе), объявляла **минимум 5 голодовок**, совершила **три попытки суицида**. [4][2]

По свидетельствам адвоката, в карцере «за соседней стеной велись ремонтные работы, а в самом карцере водились крысы». Пономаренко подвергалась избиениям санитарями в психиатрической клинике, где ей вкалывали **галоперидол** без её согласия. У неё диагностировано **диссоциативное расстройство личности** и полифобия. [2][4]

Третья попытка суицида в августе 2025 года привела к экстренной госпитализации: Мария потеряла много крови и нуждалась в переливании (гемотрансфузии). [2]

IV. Последнее слово: голос из-за решётки

В своём последнем слове в Шипуновском районном суде (24 марта 2025 года) Пономаренко заявила:

«Я на 100% уверена и считаю, что Мариупольский театр, как я и написала, разбомбили российские войска. Я так считаю — это мое мнение». [4]

Она привела пример вопиющего неравенства перед законом: **15 февраля 2023 года** ей дали 6 лет за пост без призывов и оскорблений. «В эти же дни судили главу Центрального района Барнаула за взятки на 12 миллионов. Штраф — 400 тысяч. Всё, что нужно знать о принципах демократизма и равенства». [4]

Её речь — это манифест о гуманизме, системных пороках ФСИН, насилии над заключёнными и детьми, коррупции и лжи. Она завершила словами: «У меня есть единственный долг — и так же есть единственный долг у каждого из нас — не умирать за родину, а отстаивать идеал гуманизма, рожать детей, растить их, любить».[4]

V. Правовой анализ: статья 207.3 УК РФ

Устройство нормы

Статья 207.3 УК РФ была введена **4 марта 2022 года** — через 8 дней после начала полномасштабного вторжения России в Украину. Она криминализирует «публичное распространение под видом достоверных сообщений заведомо ложной информации» об использовании Вооружённых Сил РФ.[7][8]

Часть 2, по которой осуждена Пономаренко, предусматривает от **5 до 10 лет лишения свободы** при наличии квалифицирующих признаков (мотив «политической вражды» и др.). Часть 3 — до **15 лет**.[7]

Правовые дефекты

Проект «Поддержка политзаключённых. Мемориал» указывает на фундаментальные проблемы этой нормы:[1]

- 1. Противоречие Конституции РФ (ст. 29)** — свобода мысли и слова; ограничения свободы выражения по ст. 207.3 не служат целям, для которых подобные ограничения допускаются.
- 2. Противоречие ст. 19 Международного пакта о гражданских и политических правах** — право на свободное выражение мнения.
- 3. Невозможность заранее определить, что запрещено** — гражданин не может судить заранее, какие его высказывания сочтут «ложными». Конституционный суд РФ в постановлениях от 20.12.2011, 02.06.2015, 19.07.2017 указывал, что неоднозначность закона «открывает перед

правоприменителем возможности неограниченного усмотрения».[1]

4. **Невозможность установления «заведомости»** — в условиях войны и конкуренции информации невозможно доказать умысел на распространение именно ложных сведений.[1]
5. **Отсутствие военного положения** — даже ФКЗ «О военном положении» не устанавливает специальных ограничений свободы слова, а военное положение формально не введено. [1]

В деле Пономаренко переквалификация с ч. 1 на ч. 2 (мотив «политической вражды») была произведена **без представления доказательств** наличия такого мотива.[1]

VI. Статистический контекст: масштаб репрессий

Политзаключённые в России

Показатель	Данные
Политзаключённые (октябрь 2024)	1198 человек (рост на треть за год) [9]
Политзаключённые (декабрь 2024, ОВД-Инфо)	1407 человек [10]
Журналисты, лишённые свободы	57 человек [5]
Журналисты по ст. 207.3	6 человек [5]
Новые дела по ст. 207.3 в 2025	45 (было 79 в 2024) [11]
Приговоры по ст. 207.3 в 2025	106 , из них 38 с лишением свободы [11]
Средний срок по политическим делам (2025)	8 лет (рост с 6 лет в 2021) [11]
Место России в рейтинге свободы прессы (2025)	171 из 180 [5]

Знаковые дела по ст. 207.3

- **Алексей Горин** — муниципальный депутат, 7 лет колонии (июль 2022) — первый осуждённый по этой статье к реальному сроку[12]
 - **Саша Скочиленко** — художница, заменила ценники в магазине на антивоенные стикеры, 7 лет колонии[13][12]
 - **Илья Яшин** — оппозиционный политик, 8,5 лет (обменян в августе 2024)[12]
 - **Сергей Михайлов** — издатель алтайской газеты «Листок», 8 лет колонии[5]
 - **Мария Пономаренко** — журналистка RusNews, 6 лет + дополнительные дела[1]
-

VII. Исторические параллели

Аналогия первая: Советская статья 190-1 УК РСФСР

Прямым историческим предшественником ст. 207.3 является **статья 190-1 УК РСФСР (1966–1991): «Распространение заведомо ложных измышлений, порочащих советский государственный и общественный строй»**. Максимальное наказание — **до 3 лет лишения свободы**. [14]

Параметр	Ст. 190-1 УК РСФСР	Ст. 207.3 УК РФ
Объект защиты	«Советский строй»	«Вооружённые силы РФ»
Формулировка	«Заведомо ложные измышления»	«Заведомо ложная информация»
Макс. наказание	3 года	15 лет
Введена	1966	2022
Контекст	Подавление инакомыслия	Подавление антивоенных высказываний
Осуждённых (пиковый год)	119 (1983) [15]	106 приговоров (2025) [11]

Принципиальное отличие: ст. 207.3 **в 5 раз жёстче** по санкциям, чем советская статья. При этом обе нормы объединяет фундаментальный порок — **невозможность установить «заведомость»** распространения ложной информации в условиях, когда единственно «правдивой» объявляется версия государства.

По данным записки КГБ в ЦК КПСС от 11 мая 1987 года, на 1 января 1987 года в СССР содержалось 163 человека по ст. 70 (антисоветская агитация) и 122 человека по ст. 190-1 — итого **285 политзаключённых**. В 2024 году в России — **более 1198**, а к концу 2025 года число, по-видимому, превысило 1400.[9][15][10]

Аналогия вторая: «Хроника текущих событий» и диссиденты

Советские диссиденты создали бюллетень «Хроника текущих событий» (1968–1983), документировавший нарушения прав человека. Его создателей и распространителей преследовали по тем же ст. 70 и 190-1. Астрофизик **Кронид Любарский** был

отправлен в колонию в 1972 году за правозащитную деятельность и распространение «Хроники».[16]

Параллель с Пономаренко очевидна: она распространяла информацию о действиях, которые международное сообщество квалифицирует как военные преступления, — точно так же, как диссиденты документировали преступления советского режима. Методы подавления аналогичны: уголовное преследование, изоляция, принудительная психиатрия, давление через семью.

Аналогия третья: демонстрация на Красной площади 1968 года

25 августа 1968 года восемь человек вышли на Красную площадь с лозунгами, осуждающими ввод войск в Чехословакию. Все были осуждены и отправлены в заключение. Пономаренко фактически сделала то же самое — публично выразила несогласие с военной операцией. Разница: в 1968 году максимальный срок за это был несколько лет; в 2022 году — до 15 лет.[17]

Аналогия четвёртая: цензура в Российской империи

Противостояние прессы и государства — «не новая для России тема». С XVIII века власть стремилась к контролю над СМИ. В 1865–1905 годах действовала система **административных взысканий** для прессы — предостережения, приостановки, запреты розничной продажи. XIX век стал «качественно новым этапом», когда цензура приобрела юридический статус.[18][19][20]

Михаил Салтыков-Щедрин описывал российскую реальность ещё в XIX веке: «Прикажут — и Россия завтра же покроется школами и университетами; прикажут — и просвещение вместо школ сосредоточится в полицейских управлениях». Эти слова звучат так, будто написаны вчера.[18]

Важный урок: репрессии против журналистов и издателей в Российской империи не предотвратили развития протестных настроений — напротив, они их катализировали.[18]

VIII. Точки зрения

Позиция государства

По версии следствия и суда, Пономаренко **сознательно распространила заведомо ложную информацию** о том, что ВКС РФ нанесли удар по драмтеатру в Мариуполе. Минобороны РФ заявляло, что здание подорвал украинский батальон. Следствие квалифицировало её действия как совершённые «по мотивам политической вражды» и «с целью формирования негативного отношения к действиям ВС РФ», а также указало, что обвиняемая «испытывала стойкую неприязнь к главе государства».[21][3][1]

Обвинение запрашивало 9 лет лишения свободы, суд назначил 6. По второму делу — о нападении на сотрудников ФСИН — суд установил, что Пономаренко укусила инспектора и ударила двух конвоиров ногами, когда её силой вели на дисциплинарную комиссию.[6][3]

Позиция правозащитных организаций

Проект «Поддержка политзаключённых. Мемориал» **признал Пономаренко политической заключённой** и считает уголовное преследование по ст. 207.3 направленным на «недобровольное прекращение публичной деятельности критиков власти и устрашение общества».[1]

ОВД-Инфо включает её дело в статистику политических репрессий. **«Репортёры без границ»** неоднократно требовали её освобождения. **Human Rights Watch** указывала, что приговоры по ст. 207.3 «бесчеловечны».[22]

Правозащитники подчёркивают: преследование Пономаренко невозможно рассматривать отдельно от её предшествующего конфликта с местными властями из-за расследований о жилье для сирот. Тот факт, что дело курировал лично Бастрыкин, а для задержания журналистки в Петербург выехала группа из пяти силовиков первого отдела по особо важным делам, свидетельствует о целенаправленном преследовании.[2][1]

Позиция семьи и близких

Двоюродный брат Павел: «Не исключаю, что кто-то имел на неё зуб из-за её расследований о жилье для сирот». Дочь Катя: «Лет пять назад я поняла, что она занимается важными правозащитными делами... Я всегда её в этом поддерживала». Даже бывший муж и его родители, по словам Павла, «в какой-то мере» поддерживают Марию.[2]

IX. Анализ: что из чего вытекает

Выстроим цепочку причинно-следственных связей:

1. **Характер** → Пономаренко с детства отличалась упорством и нежеланием мириться с несправедливостью. Двоюродный брат: «упёртая, от своей позиции никогда не отступала».[2]
 2. **Работа в недвижимости** → обнаружение коррупционных схем → антикоррупционные расследования о жилье для сирот.
 3. **Расследования** → конфликт с местными властями → угрозы → вынужденный переезд в Петербург.
 4. **Начало войны + характер** → невозможность молчать → пост о Мариупольском театре.
 5. **Пост** → уголовное дело по «новой» статье, принятой через 8 дней после начала войны.
 6. **Предшествующий конфликт с властями** → особое рвение следствия: группа из 5 человек из Барнаула, первый отдел по особо важным делам, курирование Бастрыкиным.
 7. **Арест** → допрос несовершеннолетней дочери → использование показаний ребёнка как обоснование для изоляции матери от собственных детей.
 8. **Домашний арест в квартире родителей мужа** → насилие со стороны мужа → добровольное возвращение в СИЗО.
 9. **Приговор** → колония → столкновение характера Пономаренко с пенитенциарной системой → карцеры, голодовки, попытки суицида → новые уголовные дела.
 10. **Три дела** → **три попытки суицида** — система «ломает».[2]
-

Х. Диагноз: что это говорит о современной России

1. Возрождение «мыслепреступления»

Статья 207.3 криминализирует не действие, а **высказывание**. Не призыв к насилию, не разглашение гостайны, не клевету на конкретного человека — а несогласие с официальной версией военных событий. Это классическое «мыслепреступление» в терминологии Оруэлла. Советская ст. 190-1, криминализировавшая «заведомо ложные измышления», наказывалась максимум 3 годами. Современная российская норма — до 15 лет. Репрессивный аппарат стал **в 5 раз жёстче**, чем советский аналог.[14][7]

2. Историческая рифма, а не повторение

Россия не повторяет СССР — она комбинирует элементы разных эпох. От Российской империи — административный произвол и вотчинное сознание чиновников. От СССР — идеологическая цензура и карательная психиатрия. От постсоветского периода — имитация правосудия при фактическом обвинительном уклоне (по данным Судебного департамента, доля оправдательных приговоров в России составляет менее 1%).

3. Непропорциональность наказания

С точки зрения элементарного здравого смысла: 6 лет колонии за один пост в Telegram-канале с тысячей подписчиков — при том, что глава района за взятки на 12 миллионов рублей получил штраф в 400 тысяч. Это не правосудие — это **демонстративное устрашение**. Как отмечает адвокат Максим Крупский, жёсткие приговоры по ст. 207.3 «трудно воспринимать отдельно от серии помилований участников СВО, совершивших тяжкие преступления». Насилие нормализуется, а пацифизм криминализируется.[12][4]

4. Механизм «добивания» в системе ФСИН

Дело Пономаренко обнажает системную проблему: пенитенциарная система не исправляет, а **калечит**. Три уголовных дела, три попытки суицида, 13 карцеров, голодовки, избиения, принудительная психиатрия. Человек с диагностированным расстройством личности и клаустрофобией помещается в условия, максимально усугубляющие его состояние. Как говорит сотрудник СИЗО, процитированный Пономаренко: «Вы считаетесь поражённой вирусом преступности».[4]

5. Семья как инструмент давления

Допрос несовершеннолетней дочери в качестве свидетеля обвинения; использование её показаний для обоснования заключения матери под стражу; домашний арест в квартире агрессивного бывшего мужа — всё это свидетельствует о **целенаправленном использовании семейных связей как инструмента давления**. [2][1]

6. Урок истории, который не выучен

Ни цензура Российской империи, ни советские репрессии не предотвратили ни революций, ни развала государства. Напротив, подавление инакомыслия вело к радикализации протеста и утрате обратной связи между обществом и властью. Как заметила сама Пономаренко: «Коррупция и ложь приведут нас к развалу».[4]

XI. Выводы

С точки зрения закона: даже если оценивать дело строго по букве российского права, в нём обнаруживаются серьёзные нарушения. Переквалификация обвинения без доказательств наличия мотива «политической вражды». Допрос несовершеннолетней без законного представителя. Отсутствие в деле материалов этого допроса при его использовании в судебном решении. Несоразмерность наказания — 6 лет за один

пост в канале с тысячью подписчиков, без призывов и оскорблений.[1]

С точки зрения здравого смысла: перед нами — женщина, мать двоих детей, которая сначала защищала сирот от коррупции (за что заслуживала государственной награды), а затем выразила своё мнение о военном ударе по гражданскому объекту. За первое ей угрожали, за второе — посадили. В колонии её систематически подвергают давлению, довели до трёх попыток суицида и завели два дополнительных уголовных дела. Это не исправление — это уничтожение человека.

С точки зрения истории: дело Пономаренко — это не аномалия и не «перегиб на местах». Это **системное явление**, вписывающееся в многовековую российскую традицию подавления свободного слова. Однако ни в Российской империи, ни в СССР репрессии против журналистов и инакомыслящих не привели к укреплению государства — каждый раз они становились симптомом нарастающего кризиса, который заканчивался катастрофой.

История Марии Пономаренко — это не просто биография одного человека. Это **диагноз:** государство, которое сажает матерей за посты в Telegram, избивает заключённых с психическими расстройствами и заводит три уголовных дела на человека, уже отбывающего шестилетний срок за выражение мнения, — такое государство находится не на пути к величию, а на пути к тому итогу, к которому приходили все режимы, избравшие подавление правды в качестве государственной политики.